

Старый хит Эдинбургского фестиваля

МАСТЕР-КЛАСС

АДОЛЬФА

Независимая
газета - 2000.
- 21 июля -

Британский актер Пип Аттон - с. 7
в роли фюрера

Пип Аттон в роли фюрера словно сошел с хроникальной фотографии.

Павел Руднев

ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ в «Дневнике писателя» утверждает, что адвокат не должен быть талантливым человеком: в этом случае красноречие затмит истинный ход дела и приукрасит в глазах суда защиту, которой преступник может вовсе не заслуживать.

Эта мысль прежде других «стучит в сердце», когда видишь на сцене настоящего Адольфа Гитлера с точно воссозданной жестикующей манерой говорить и носить одежду — между образом и актером здесь не вставить и пресловутой «иголки». Исторический образ, воссозданный Пипом Аттоном, страшен своей убедительностью — чем скорее мы признаем уникальные способности актера к мимикрии, тем быстрее верим в то, о чем говорит его герой. С тех пор как пушкинская фраза «гений и злодейство — две вещи несовместные» стала подобием искусствоведческой аксиомы, мы не желаем видеть в явной «талантливости» червоточины порока. Британский актер играет с нами в антиискусство, в театр психического насилия, который воздействует помимо нашего желания.

На фестивале «Балтоскандал» (см. «НГ» от 01.07.2000) в эстонском городке Раквере Пип Аттон показал спектакль «Адольф» (производство Guy Masterson productions). Это не новая работа — сочиненный самим актером в 97-м, спектакль в том же году побывал в Эдинбурге на театральном фестивале, где получил приз «за лучшую мужскую роль». Следующие два года выступлений в Эдинбурге приносили спектаклю статус «sold out show» (по-русски: «билетов нет и не будет»). Спектакль будут играть в Эдинбурге и в этом году (знаменитый фестиваль фрндж-театров пройдет в столице Шотландии с 6 по 28 августа; Россия будет представлена «Игрушками Бертрана» московского театра «черноеНЕ-БОбелое») — уже не без корысти. Эдинбургский лауреат приглашен работать в дирекцию фестиваля.

Адольф Гитлер репетирует. Стоя спиной к аудитории, лицом — к стягу с черно-белой каракатицей, он словно отдает властные приказания челяди подле него. Вдоволь натренировавшись «оказывать влияние», фюрер переходит к более сложным упражнениям: начинается нескончаемый поток речи, простой и афористичной, как у евангелиста. Отрепетирован жест левой руки, сжатой в мягкий кулак и бьющей со всего размаха в правую ладонь, — руки, досконально изучившей тот самый угол поворота и ту самую силу хлесткого звука, которые максимально покоряют внимание сколь бы то ни было большой аудитории. Отрепетирован и стиль знаменитого «самовозбуждения» — перехода от доверительной отеческой интонации, перечисляющей предпосылки для «самого главного», к гневному отчеканиванию бессмертных тезисов.

«Живи спокойнее, ибо тебе принадлежит завтра», «Мы спасем весь мир, но немцев — в первую очередь», «Не бойтесь обещать», «Мы, чистокровная раса, должны уничтожить и стерилизовать инвалидов, евреев, негров, цыган, славян, коммунистов, гомосексуалистов и христиан», «Забудьте о браке — поверьте в то, что мужчина — это протостаточный мир женщины. Простое отточное мир женщины. Простое их», «Коммунизм — это незаконнорожденное христианство»...

Со временем присутствие на виртуальном мастер-классе Адольфа. Он объясняет — мы

внимаем. Он рассказывает и показывает — мы учимся. Лекция и практикум одновременно. Спустя некоторое время еще одно прозрение: свою лекцию Гитлер читает нам в ночь перед самоубийством 30 апреля 1945 года. Мы же, «немые зрители финала», столь же невольны, как и стопардовские Розенкранц и Гильденстерн, становимся его последними учениками, апостолами, принимающими завещание-отповедь отходящего в мир иной фюрера. Он прощается и просит исполнить долг: сохранить идею и, главное, универсальные способы ее утверждения в массах. Отказать в такой момент человеку — невозможно. Перед смертью не врут.

Театр ловит нас в целую систему обмана, набрасывая на наше слабеющее восприятие одно за другим кольца психологических ловушек. Почти ритуальным произнесением слов «долг», «кровь», «избранные», «смерть» заставив нас поверить в то, что мы — не простые зрители, но персонажи истории, единственные свидетели и хранители памяти о фюрере, актер разломал «четвертую стену», укрепив в нас уверенность в то, что от нас крайне многое зависит.

Наблюдая за тем, как убедительно сказанные со сцены слова тревожат наш разум, мы готовы простить немецкому народу и нацизму, и фанатизму, с которым нация восприняла гитлеровские идеи. Гитлер по-актерски был так же талантлив, как Пип Аттон, даже более того. А зритель, гражданин не способен сопротивляться влиянию таланта. Тут мы, быть может, впервые проклинаем нашу любовь к искусству.

Доведя нас до точки отчаяния, Пип Аттон сядет за столик, попросит у публики сигару и пиво, снимет пиджак, распустит галстук, отклеит парик и усы. Обшавшись накоротке с залом, попросту болтая, Пип Аттон завершает представление.

Без парика и нацистской униформы Аттон выглядит добрым английским старичком, поразительно похожим на Пола Маккартни («when he's sixty-four»), — вместе с ним мы добреем, проникаясь доверием к актеру, способному и создать, и снять напряжение. Минут двадцать он будет что-то рассказывать, буднично, бытово философствовать — что-то вроде чеховской лекции «о вреде курения». В том числе заговорит и об английском парламенте, в котором большевик, как известно, еврей, — и абсолютно неожиданно взвывается все та же рука и хлопнет с размахом о другую, словно подкачивая и поднабивая «праведный гнев». В фигуре «доминошного старичка», которого можно встретить на скамейке в парке или у дома, пробудятся фюрерские интонации. Зло повернется другой стороной. Последние слова героя: «Я войду в любую дверь... Только открой ее мне навстречу, и я войду, чтобы сделать все остальное».

P.S. В программке спектакля, где прослежены основные этапы «славного похода» Адольфа Гитлера, русскому вкладу во Вторую мировую войну уделено скромное место — британцам известно лишь (или же им только это и следует знать), что германские войска когда-то вторглись на территорию России, затем в определенный день и час удалились, после чего последовала победа, которую принесла миру некие «Союзные Силы», освободившие Европу, вошедшие в Берлин и уничтожившие Германию к безоговорочной капитуляции. В Европе еще хорошо помнят, кем был Адольф Гитлер, но уже порядком подзабыли, кто его уничтожил. ■

Раквере-Москва